

A black and white photograph of a man in a military uniform, wearing round glasses and a mustache. He is looking slightly to the left. A sword with a dark hilt and a gold-colored guard is positioned diagonally across the image, partially obscuring his face and uniform. The sword's blade is visible, showing a textured surface. The background is a light, textured surface.

ВАДИМ КУКУШКИН
ВСЕВОЛОД КУКУШКИН

М И
Е М
Ч П
Е
Р
А
Т
О
Р
А

Всеволод Кукушкин

Меч императора

«Спорт»

2016

ББК 47.2.1.2

Кукушкин В. В.

Меч императора / В. В. Кукушкин — «Спорт», 2016

ISBN 978-5-906131-88-1

Книга рассказывает о событиях, происходивших осенью 1945 года в Манчжурии и СССР, а также в нынешнее время в России. В ней соединились история и сегодняшний день и связующим звеном оказался меч, сделанный с использованием металла внеземного происхождения в Японии. Судьба этой катаны переплелась с судьбами многих людей...

ББК 47.2.1.2

ISBN 978-5-906131-88-1

© Кукушкин В. В., 2016

© Спорт, 2016

Содержание

Глава первая. Если утром зазвонил телефон	7
Глава вторая. Новое задание полковника Соболевского	14
Глава третья. Санаторий Его Императорского Величества	25
Глава четвертая. Ландшафт после битвы, или сановный садовник	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вадим Кукушкин, Всеволод Кукушкин

Меч императора

Авантюрно-фантастическая повесть

Совпадение имен героев с реальными лицами и событиями является абсолютной случайностью

© Кукушкин Вадим, Кукушкин Всеволод, текст, 2016

© Издательство «Человек», издание, 2016

* * *

Япония. Октябрь, 1939 год.

«Завтра я буду наносить имя на клинок! Иди, готовься к завтрашнему дню!» Сколько раз Аяко слышала эти слова, но, как и в тот самый первый раз, эта фраза переворачивала в ней все. Она знала, что в эту ночь она не сможет заснуть. С ней это случалось на протяжении последних сорока семи лет.

Завтра она будет помогать мастеру Мияири давать жизнь мечу. Меч будет рожден здесь, в кузнице её мужа, и она будет давать ему жизнь вместе с ним. Она также, как и мастер Мияири вынашивала его, думала о нем и вот завтра настанет момент, после которого он заживет своей собственной жизнью.

Рождение меча было для неё даже более священным событием, чем рождение собственных детей. Ей было страшно и в то же время безумно хотелось насладиться моментом, когда муж брал чекан и начинал наносить удары по металлу. Этот звук застыл у неё в душе, и долго еще она слышала этот завораживающий звон.

Она вспомнила, как ей было больно и страшно, когда она родила первенца, Нагабучи, и потом, когда она носила Марику, а сейчас ей было немного стыдно за то проявление слабости. Но здесь все здесь совершенно другое. Она боялась гораздо больше, чем тогда, когда вокруг нее начали носиться повитухи, когда старуха Имаэ-сан встала на маленькую табуреточку и начала легонько поддавливать ей в верх живота, подсказывая, как дышать.

Теперь был не страх, это было состояние полного паралича, все мысли сосредоточились только на этом куске металла, когда – то красной полосе, которая вдруг превратилась в сверкающий кусок могущественной силы и совершенной формы.

Как всегда, с утра, будет еще совсем темно, она принесет уголь и растопит печь. В совершенно темной комнате будут видны яркие языки огня, всепожирающего, колдующего и такого родного. А потом придет мастер Акихира, и они закончат, то что должны были сделать. Она будет выполнять его команды, подавать инструменты, а он будет побеждать время!

Ей было девятнадцать лет, когда она впервые увидела настоящий меч. С первого взгляда её сковал страх, это блестящее лезвие, такое страшное, такое острое, не знающее ни капельки жалости. Вот оно – любое решение проблемы, инструмент, проводящий черту между жизнью и смертью, такой простой и такой сложный. Она подошла поближе и продолжала смотреть на меч, как замороженная. Чем дольше смотрела она на него, тем все меньше страха оставалось в ней и появлялось желание дотронуться до него, взять меч в свои руки, прикоснуться к нему щекой. Она вспомнила, что на следующее утро после церемонии знакомства – миай, её отец отвел её в кузницу Акихиры.

С детства она привыкла слушать родителей. Она была хорошо воспитана, умела все делать по дому. С семи лет она помогала дома по хозяйству, занималась с двумя младшими братьями и сестрой. Вот и настало ей время идти по жизни самостоятельно.

Все детали были обговорены, так что теперь это её место.

Акихира был старше её на десять лет.

Вдруг она вспомнила, что через тринадцать лет после свадьбы мастер Мияири сказал, что они переезжают. В те дни он был сам не свой. Он долго над чем-то размышлял, и вот в тот момент, когда раздались первые звуки капель дождя, падающих на крышу, он сказал ей – «Иди, собирай вещи. Завтра мы уезжаем». Как же так, она уже привыкла к этому месту. Не она ли каждое утро носила уголь в кузницу, рубила его топором? Она вспомнила, как всегда спешила в магазине, чтобы быстрее расплатиться за покупки. Еще бы, иссиня черная пыль въелась под ногти и она думала, что все только и смотрели на её грубые руки, на пальцы с ногтями, вокруг которых была черная кайма.

Ладно, надо идти. Она знала, что Акихира хотел остаться один. Он всегда так делал. Может он вспоминал все, что он делал с металлом за последние несколько месяцев, а может просто отдыхал. Она даже не хотела думать над этим. Сколько еще дел не сделано. Но он решил уехать, и они переезжали в префектуру Исикава, где Акихира пошел в ученики к мастеру Сумитани. Потом были еще не одни сборы и переезды, но однажды утром он посмотрел на неё и сказал: «Все. Теперь у нас будет собственная мастерская. Придут ученики, дай им циновки, пусть ночуют за кузницей». В тот момент она поняла, что жизнь изменилась и теперь они никуда не будут ездить.

Акихира Мияири отпустил сначала помощников, потом Аяко и один заперся в кузнице. Еще раз придирчиво и строго осмотрел готовый клинок. Казалось, он достиг того состояния, когда уже с закрытыми глазами и даже не прикасаясь к мечу, он «видел» и ощущал его каким-то особым чувством.

Он нагрел хвостовик клинка и вбил в него две крохотные пластины с необычной структурой. Пластины были сделаны из металла, который ему привезли из-за моря. Ему не было дела откуда, может из Америки, может из русской Сибири. Поговаривали, что господин Тояма приехал из Хоккайдо. Вроде, он даже общался с русскими, которые часто приходили на кораблях с севера. Вот и привез ему господин Тояма кусок этого камня в подарок. Он так хотел познакомить своего сына с дочкой Акихиры – Марико, что готов был совершить любой подвиг, лишь бы мастер Мияири дал своё согласие на их знакомство.

Камень оказался очень тяжелым, распилить его не удавалось, но он придумал способ, как «отщипнуть» от него несколько небольших пластинок, которые обладали необычными свойствами – не поддавались обработке, и их можно было только «вбить» в кусок металла. И вот две пластинки он вбил в ту часть клинка, которая будет закрыта деревянной ручкой. Так что снаружи это будет такой же меч, что и все остальные. Такой же, но другой.

Что-то как будто сочилось из этого камня, притягивало к нему. Для верности, он вывалял его в пыли и завязал в тряпочку. К его вещам никто не прикасался, но, тем не менее, он положил этот кусок на полку в самый угол, а сверху закрыл деревянными дощечками, которые можно будет использовать для изготовления ножен.

Он вбил в хвостовик эти две пластинки и вдруг какая-то энергия пошла из ручки меча. Дерево не было ей помехой, она проходила через него без потерь.

Затем мастер надел цубу и рукоять из индийского дерева. Завершив работу, Акихира заночевал в мастерской.

Утром следующего дня вместе с Аяко он вычеканил своё имя и только потом помощники обмеряли и записали в документы «сопровождения» и в дневник мастера: «длина клинка 76 сантиметров, кривизна – 3 сантиметра, вес 910 граммов». И ни слова о «душе меча».

Глава первая. Если утром зазвонил телефон

Звонок раздался неожиданно. Вадим поднял трубку черного, стилизованного под VEF времен шестидесятых годов прошлого века, телефона, который стоял на антикварной, карельской березы тумбочке рядом с велоэргометром. Конечно, не хотелось прерываться, но он давно взял себе за правило отвечать на все звонки. Резко сбросил темп, но крутить педали не перестал.

– Доброе утро, Вадим Ильич! Здравствуйте, я не слишком рано вам звоню? Я вас не разбудил? – раздалось в трубке практически без пауз между словами.

По выговору, который был близок к тому, каким иные остряки пытаются на одесский манер рассказывать еврейские анекдоты, Вадим сразу определил, что это не москвич. Но все-таки насторожился – вдруг кто-то из друзей-приятелей захотел его разыграть нынешним утром.

– Будильник вас опередил, не переживайте. А в чем дело? – поинтересовался Вадим, прикидывая, что съёмки у него сегодня нет, а потому любое предложение, даже столь раннее, заслуживает внимания.

– Мне сказали, что вы коллекционер, и вот я хотел вас попросить мне помочь, – вновь затропился собеседник.

– А вы, собственно, кто такой? И кто вам дал этот номер телефона? – поинтересовался Вадим, пытаясь одновременно вспомнить, не слышал ли он этого голоса раньше.

– О, это хороший вопрос, как говорят теперь политики на телевидении. Меня зовут Борис, а мой папа был Соломон. Я из Израиля, занимаюсь бизнесом.

Неожиданное начало утреннего разговора. Интересно – откуда звонок? На обычный городской номер, который известен узкому кругу близких и знакомых Вадима. Из Москвы?

– А до Израиля? – поинтересовался Вадим, продолжая медленно крутить педали и глядя на дисплей, показывавший, что его пульс снизился до восьмидесяти ударов.

– Я родился в Житомире, на реке Тетерев, знаете такую? Там так красиво. Особенно аквапарк...

В Житомире Вадим не бывал, а потому о красотах реки Тетерев и местного аквапарка представления не имел. Но отметил, как сын Соломона ушел от вопроса, где он раздобыл телефонный номер.

– И чем же я могу вам помочь? – пришла пора поинтересоваться причиной звонка.

– Мне нужно сделать подарок одному большому человеку, который увлекается коллекционированием холодного оружия, – перешел к делу Борис Соломонович.

«Нормально. Если кто-то коллекционирует значки, то почему бы не быть и коллекционерам холодного оружия», – подумал Вадим.

– И какую же сумму вы намерены потратить на подарок? – почти машинально задал профессиональный в среде коллекционеров вопрос Вадим.

– А почему это вас интересует? – типичная манера разговора среди уроженцев Малороссии – отвечать вопросом на вопрос.

– Если вы хотите потратить тысячу долларов, то я не буду вам предлагать вещь, которая стоит десять тысяч, – Вадим вытер полотенцем пот со лба.

– Логично. А вы, простите, случайно не еврей?

– Зовут меня, впрочем, вы это знаете от того, кто дал вам номер, Вадим Ильич. Моисеев. Моя мама русская – Ольга Юрьевна. А вот мою бабушку звали Бетти Израилевна.

В трубке повисла пауза. Впрочем, короткая.

– А вы знаете, чувствуется... – будто утверждаясь в своих догадках, вновь заговорил невидимый собеседник.

– Что чувствуется? – не понял Вадим.

– Бабушка. Вы знаете, мне это нужно быстро и цена здесь не столь важна, – вновь зажурчал быстрым ручейком голос собеседника.

– Быстро, это как быстро?

– Я должен улетать через три часа.

Вадим едва не расхохотался от такого несерьезного подхода к такому серьезному делу, как покупка коллекционного раритета. Тем более, что сам он никакого оружия – так ему завещал еще папа – не собирал. И на поиски даже ему при всех обширных связях и известности фамилии, потребовался бы не один день.

– Это не серьезно! Желаю вам приятного полета и мягкой посадки. Ничем остальным помочь не смогу, – вежливо попытался завершить разговор Вадим.

– Подождите, подождите, не вешайте трубку, – заторопился собеседник. – Мне нужен японский меч, который подарил Хирохито последнему китайскому императору еще перед войной. Может быть, вы хотя бы знаете или слышали, у кого из коллекционеров он есть, мы не постоим за деньгами...

– У меня такого раритета нет, оружием я вообще не занимаюсь, папа не советовал. Если задержитесь в Москве, сходите на наш вариант «блошиного рынка», он скоро должен быть в торговом центре на Тишинской площади. Пспрашивайте. Может *вам* – Вадим намеренно сделал акцент на местоимении, намекая собеседнику на оговорку, – Повезет.

Завершив разговор, Вадим еще покрутил педали велоэргометра, резко подняв темп. На дисплее высветились цифры пульса – 140. Обычно он накручивал 110–120.

Вадим помнил многие из «папиных советов» – этого своеобразного мужского кодекса поведения в разных ситуациях. В машине за рулем всегда говорил себе – «Дай дорогу дураку!». Выручало не раз. Или еще – «Никогда не застегивай нижнюю пуговицу на пиджаке». Не очень понятно, но все-таки что-то в этом есть.

«Куда это мы помчались? – спросил он себя. – Нечего заводиться! Хотя меч императора – это красиво! Надо будет, на всякий случай поинтересоваться... Видимо, за ним началась охота. Интересно!»

День у Вадима был свободный. Но сибаритствовать он не любил, ему всегда требовалось заниматься каким-нибудь делом. Ему стало интересно, а что собой представляет этот самый меч китайского императора? И пусть он не нужен ему в коллекции так же, как ятаган какого-нибудь турецкого паши, но почему меч заинтересовал уроженца берегов реки Тетерев?

Как и большинство «продвинутых» москвичей, оказавшись они в его ситуации, он решил залезть в Сеть и там узнать что-нибудь о мече последнего китайского императора.

«Ополоснусь потом», – подумал Вадим, прошествовав мимо ванной комнаты на кухню. Плюхнулся в любимое потертое кресло и, с хрустом потянувшись, набрал в поисковике: «меч китайского императора».

Ссылка открылось великое множество, и Вадим увлекся чтением. Вообще он знал за собой одну слабость: начав читать что-то интересное, не мог остановиться. Не мог оторваться и от книги, порой даже просто перелистывал страницы, но должен был иметь общее впечатление, чтобы вернуться к ней, когда появится время. А вот увлечься поисками меча китайского императора? Эта идея его не очень привлекала, подвернется случай – хорошо, а не подвернется, так и ничего огорчительного. Его интересовало искусство, портретная живопись.

Оторвавшись от компьютера, долил воды в чайник, нажал кнопку выключателя. Прошел в ванную. Ополоснулся прохладной, почти холодной водой. Отфыркиваясь, растерся жестким полотенцем. Отражение лица в зеркале не то, что порадовало, но успокоило: жизнь продолжается. С опозданием легко позавтракал. Он предполагал заехать днем к маме, а там неизбежно надо будет садиться за стол. А еще он знал, как трудно согнать вес, если ремень приходится расслаблять из-за того, что тот становится слишком тесным. Впрочем, у Вадима хватало характера, чтобы не «распускать» себя.

* * *

Николай Гавриилович Галасюк – крепкий седовласый мужчина не слишком высокого роста, но и не «малыш» – прекрасно вписывался в свой кабинет на седьмом этаже недавно построенного «бизнес-центра», названного «башней». Он распорядился оформить кабинет в стиле хай-тек, но не отказал себе в удовольствии повесить на одной из стен фотографию из своего еще недавнего прошлого. В противоперегрузочном летном костюме, с гермошлемом в руке рядом с высотным истребителем-перехватчиком. По молодости он даже подавал рапорт о зачислении в отряд космонавтов, но не сложилось, пришлось повоевать. Конечно, можно было бы выбрать фото, на котором он снят в генеральской форме со звездой Героя и рядом с министром обороны, но Николаю Гаврииловичу, как он сам выразился, не хотелось «педалировать» посетителей кабинета. Тем более, что они были прекрасно осведомлены о прошлом его хозяина.

После ухода из армии Галасюк оказался весьма удачливым бизнесменом и скоро возглавил одну из компаний, входящих в систему «Оборонэкспорта». В назначении немалую роль сыграли такие его качества, как скорость в оценке ситуации и принятия решений. Это осталось у него от летной практики – та техника, на которой он летал, промедления не допускала, оно грозило катастрофой. Был, правда, случай, когда при внезапном отказе этой самой техники ему пришлось катапультироваться, но и это пилот пережил без особых осложнений. Как ему тогда показалось. Но не врачам. Конечно, из армии не гнали, но «летать рожденный», он полагал унизительным «топтать бетонку».

Помимо имевшихся его прошлых и нынешних заслуг, о которых время от времени вспоминали журналисты, Галасюк приобрел репутацию солидного коллекционера. Но коллекционировал он... холодное оружие. Разумеется, со всеми положенными регистрациями и прочими требованиями к собирателям таких необычных в быту предметов, как шпага офицера наполеоновской армии, сабля гусара из полка Дениса Давыдова, или кинжал князя Дадияни из настоящей дамаскской стали. Разумеется, за все предметы он платил. Даже получая что-то в качестве подарка, тут же расплачивался «копеечкой» – по русскому суеверью за «острые» подарки хоть малую, но надобно «денежку дать». Чтобы не стать врагом с дарителем. В среде коллекционеров за ним закрепилось прозвище «Перехватчик». Ему это импонировало, это слово он любил и часто говаривал: «Мы – не просто пилоты. Пилотов много. Мы – перехватчики!».

«Перехватчик» сидел в кресле перед журнальным столиком, на котором стояли две дымящиеся чашки с ароматным напитком, только что сваренным черным с никелированными деталями кофеварочным агрегатом «Лавацца», что стоял в соседней с кабинетом комнатке. И кофейные зерна в него засыпались также только сорта «Лавацца». За этим строго следила секретарша «шефа». Вторая чашка предназначалась для человека лет примерно шестидесяти с небольшим, производившим своим видом странное впечатление. Одет он был в модный, хорошо пошитый костюм, но пиджак не застегивал – мешало вываливающееся арбузом брюшко. Галстук, правда, не слишком модный, но все-таки шелковый, повязан был правильно. Темные с проседью волосы аккуратно зачесаны назад. И при всей этой солидности вид его был какой-то фанфаронистый, можно сказать, даже забавный. Держался он, а вернее, старался держаться, «солидно», но тоненькую ручку фарфоровой чашки сжимал тремя пальцами, а мизинец привычно оттопыривался так, словно у него в ладони был стакан или стопка, которую он должен был сейчас махнуть единым духом.

На самом деле пузатый коротышка с нормальным именем и отчеством Валериан Викторович, имел весьма необычную фамилию – Пиолия. С ударением на предпоследнюю гласную. Случилось это, скорее всего, по недоразумению того, кто заполнял метрику, или иную справку для получения паспорта. В графе «национальность» со слов получателя ему и записали – грек.

Установить правдивость этого утверждения было решительно невозможно – Пиолия был детдомовцем. Родителей не знал, родственников не разыскивал, полагая занятие это бесполезным и, в случае успеха, возможно обременительным.

Галасюк молча подвинул собеседнику красивую коробочку красного дерева.

Валериан Викторович взял коробочку в руки, глянул вопрошающе на генерала – можно ли открыть?

– Давай, скажи, что это такое? – с хитрой улыбкой спросил Галасюк.

Внутри коробочки на оси была еще одна небольшая коробочка, которая при прикосновении повернулась.

– Что-то ювелирное? Камни смотреть, как они на свету играют? – предположил Пиолия.

– У тебя какие часы?

– Сейко, японские, настоящие! – при этом Валериан подтянул рукав и глянул на часы, словно хотел убедиться, что они на месте.

– А у меня – швейцарские, с автоподзаводом, а поскольку все мы мало ходим, так эта «качалка» ночью часы качает, так сказать, заводит, – довольный, что удивил собеседника, пояснил Галасюк.

– А может быть, все-таки лучше больше пешком ходить? Вон, все врачи рекомендуют.

– Много ты сам пешком ходишь, вон какой арбуз отрастил! – парировал генерал, который следил за весом, а потому мог позволить себе «приталенные» пиджаки.

– И вот, чтобы показать эту пустяковину, вы меня и пригласили? – изобразил из себя немного обиженного Валериан Викторович.

– Ладно, не заводись. Другое дело есть, настоящее. Попробуй найти мне меч последнего китайского императора, – поставил «боевую задачу» Галасюк.

– О-о! – приподнял бровки Пиолия. – А как его найти?

– Это твоё дело. Я за это деньги плачу, – эти слова генерал, хоть и запаса, произнес весьма твердо.

Валериан Викторович при всей своей внешней солидности был все-таки «шестеркой». И в глубине души он сам это осознавал, но признаться ни в коем случае даже самому себе в нынешнем, не слишком простом жизненном положении, не хотел. Ну, да, пенсионер, но таковы превратности нашей жизни и не его это была инициатива довести себя до такого положения. Хотя, по большому счету, он и при волонтеризме, и при застое, и при перестройке всегда был «исполнителем». А теперь еще и домашние напасти навалились.

– А, может быть, он в Китае? – Пиолия еще искал способ, как без потерь «уползти с ковра». Все-таки разыскать такой раритет может быть очень трудно, только на сбор информации уйдет не меньше месяца. Все-таки опыт поисков различных вещей, прежде всего коллекционных, у него имелся. Другое дело, что коллекционеры хорошо платят, правда, бывают весьма занудливы и с «копейкой» расстаются неохотно, требуют всяких сертификатов, экспертиз и подтверждений. Но Валериан Викторович был удачлив, имел хорошие связи, а главное – умел ими правильно пользоваться.

– По моей информации, этот самый меч император Пу И получил в подарок от Хирохито, а выковали его специально. И обладает меч не только режущими, но и какими-то дополнительными свойствами. А потом Пу И подарил клинок какому-то советскому полковнику, который его вывез в Союз из Манчжурии.

– Кого он вывез-то – императора или меч? – попробовал «подколоть» генерала Валериан Викторович.

– Обоих! Так что меч – в России. Ищите, – подвел строгим голосом черту под разговором Галасюк.

– Попробуем, но сначала надо информацию собрать, – начал Пиолия. – В общем, Николай Гаврилович, сеть широко надо забрасывать.

– Вот и забрасывай свою сеть, – «перехватчик» никогда не задерживался с указаниями и ответами. Особенно, если ситуация была, на его взгляд, простой.

– Так ведь ребят подключать надо, а это денег стоит, – наконец-то решился произнести главные слова Пиолия.

– Я когда-нибудь хоть кого-то «кидал»?! – прогремел Галасюк, которого уже начала раздражать эта беседа. Он все-таки был сторонником другого стиля: приказ получен, исполняйте.

– Ни-ни-ни, что это вы так закипели, товарищ генерал, – поспешил Валериан Викторович, опасаясь, как бы собеседник не рассердился по-настоящему. – У вас репутация безукоризненная, все сообщество коллекционеров относится к вам с огромным уважением, – тушил «пожар» Пиолия. – Сегодня же вечером начну собирать информацию о мече. А с чего это он вас так заинтересовал?

– Да тут один потенциальный партнер решил к нам в компанию залезть поглубже, и пообещал мне ко дню рождения добыть меч последнего китайского императора. Меча он не нашел, конечно, но вот затея эта меня зацепила. Меч императора – это звучит! – Галасюку было все равно, перед кем выговариваться.

– Это может стать настоящим украшением коллекции.

– А партнер этот продолжает искать?

– А кто его знает? Я его поблагодарил за добрый порыв, но он какой-то провинциальный, местечковый такой шустрик. На него нет никаких надежд. Я в таких делах московской диаспоре больше доверяю. Потому и вызвал тебя.

– И правильно сделали. Кого же еще, кроме меня?! Отыщем!

– Ищи! И начинай сейчас же, а не вечером! Свободен! – попрощался с собеседником Галасюк.

На том и расстались. Выждав, когда за визитером закрылась дверь, Галасюк вызвал в кабинет секретаршу. Строгая черная юбка чуть ниже колен, безукоризненно белоснежная блузка. Высокая грудь, тонкая талия. Голубые, смеющиеся глаза на фарфорово-белом лице. Чуть вздернутый носик, скупая россыпь – в самую меру – веснушек на щеках. И – косичка рыжих, аккуратно заплетенных волос. На вопросы партнеров по бизнесу, где ему удалось «перехватить» такое чудо, генерал отделялся смешком, мол, места грибные знать надо. На предложение поделиться, отвечал: «Она мне настроение поднимает!» Понимающие ухмылки, что не только, мол, настроение поднимает, игнорировал. Анастасия свободно говорила и вела конфиденциальную переписку на трех языках. Была в курсе всех значимых событий не только в «верхах», но и культурно-светской жизни столицы. Где отужинать и что посмотреть зарубежным партнерам, Галасюк во всем полагался на секретаршу. Вот и сейчас он смотрел на неё и чувствовал, как растворяется, уходит раздражение от разговора с Пиолием. Улыбнулся.

– Настенька, отложи-ка ты дела текущие и собери мне в Интернете всё, что там есть о японских мечах. Все эти мифы, легенды, тайны, домыслы. Ну, ты понимаешь...

Анатасия, бывшая в курсе увлечения шефа, только кивнула в ответ.

* * *

Пиолия, сидя за столиком в кафе неподалеку от офиса Галасюка, листал потертый, издававший виды блокнот с именами коллекционеров, с которыми когда-то имел дело. Наконец, выписав телефоны на салфетку, Валериан Викторович достал издававшую виды, обтрюханную трубку и, подслеповато шурясь, начал давить на клавиши. «Разбрасывать сеть». Кто-то обещал поспрашивать, кто-то беззлобно смеялся, представляя себе «пузана» с японским мечом в руке. Кто-то дал телефон Вадима Моисеева, рекомендуя его, как «чудака широкого профиля».

Последний звонок Пиолия сделал своим «три мушкетера», которым он, время от времени, поручал задания деликатного свойства. Эти парни могли, по надобности и припугнуть

в пустом подъезде несговорчивого партнера, и в ухо «съездить». А «физиономия» одного из них могла запросто напугать кого угодно. При этом сам обладатель её – Вовчик – был отнюдь не злодеем, просто так природа распорядилась.

* * *

В полутемном зале спорт-бара за столиком сидели молодые люди, потягивали пиво из высоких бокалов и читали вслух какую-то информацию с ай-пада.

– ...Вещи императора были упакованы в 57 ящиков, в одном из них были три меча – он надевал их для парадов или каких-то дворцовых церемоний, – прочитал симпатичный блондин.

– Ох, ребята, доберутся до нас китайцы, мало не покажется, – заметил Вовчик нарочито бесстрастным голосом, которым он мастерски умел рассказывать анекдоты.

– А причем тут китайцы? Деньги нам грек дает. Ты лучше его бойся, – отозвался блондин.

– А кто-нибудь знает, который из трех мечей главный? – поинтересовался Вовчик.

– А нам какая разница, который из них главный? Валерьян как сказал – ищите меч китайского императора Пуи. Мечей у него, вроде, три было. Но самый главный меч – японский, катана называется. Наше дело разыскать, а он сам пусть разбирается.

– Да, чем-то это напоминает «12 стульев». Найдем два меча, а третий, окажется, уже без нас нашли и всю маржу сняли, – резюмировал долговязый Евгений, которого чаще называли по прозвищу, полученному еще в школе – Джон. В компании он исполнял роль пессимиста, который должен отрезвлять не в меру горячих партнеров. – Кстати, императора последнего китайского звали не Пуи, а Пу И. И грека не Валерьян зовут, а Валериан!

– Джон, ты опять самый умный? – уперся в Евгения нехорошим взглядом Вовчик. – Да мне до этого императора...

– Все, заканчивайте! Думаю, прежде всего, надо пробить тех, кто эту железяку помимо нас ищет, – резюмировал блондин, который на самом деле был лидером в этом сообществе.

– Посчитайте, пожалуйста, – окликнул он официанта.

– Всё вместе? – уточнил официант.

– Один за всех, и всё – на одного, – улыбнулся блондин, глядя на Джона-Евгения. – Счет вот ему, – объяснил предводитель троицы не читавшему роман Дюма официанту.

* * *

Сегодня планета устроена так, что благодаря современным средствам связи сохранить тайну бывает чрезвычайно трудно, а порой и невозможно. Узнав, что кто-то разыскивает меч императора, оживились коллекционеры. Беда только, что большинство не знает деталей, нюансов, чем отличается подлинный меч императора от сувенирного меча, который можно свободно купить и в Токио, и в Москве, и в Пекине.

И хотя население Китая больше миллиарда человек, тем не менее, те немногие, кому нужно, знают все. Или, по крайней мере, все, что необходимо знать. Естественно, информация о том, что в Москве начались интенсивные поиски меча императора Пу И, прошла по соответствующим служебным каналам в Пекин и достигла высоких кабинетов. Однако специалисты не стали поднимать шум или кого-то дергать – как, мол, так, почему мы не занимаемся этим делом? Но на заметку дело взяли, и соответствующие директивы отправили и в Москву, в посольство, и в другие представительства.

* * *

– ...Информация противоречивая. Заинтересованные люди дали понять, что речь может идти о трех экземплярах. Почему интерес? Не знаю, только думаю. Когда интересное есть у одного – остальным неинтересно. Только зависть. А тут мы не знаем, у кого это есть, но знаем, что должно у кого-то быть. Если оно еще вообще есть. И тут мы не одни. Значит, есть общий интерес. Как у вас говорят, бездымного огня не бывает. Дым уже есть. Надо искать огонь. Да, звоните во всё время. Кроме сна. Хотя, знаете? Звоните в любое время. Смешное имя – Пу И? Странные вы, русские. У вас один Скалозубов и эти двое – такие вёрткие, куда смешнее. Ну, да, да – Скалозуб. Добчинский, и..? Бобчинский. До свидания.

– И вы говорите, работа никогда и никому не продавалась? – закончив разговор по телефону, спросил молодой человек азиатской наружности у музейного смотрителя, с интересом глядя на висящую в воздухе нитку с небольшими металлическими лепестками. – «Вертикально стоящая нить. Вячеслав Колейчук. 1966 год», – прочитал он, склонившись к табличке.

Вообще-то Ван Чжан, довольно давно обосновавшийся в Москве по линии министерства культуры то ли Китая, то ли России, занимался вопросами организации культурного обмена, а потому был своим человеком и в китайском посольстве, и в Росконцерте, вернее, в его остатках, и в министерстве культуры. Выглядел он человеком прекрасного телосложения, о себе говорил, что в молодости играл за юношескую сборную Китая по футболу, но из-за операции мениска бросил спорт. Проверять его никто не проверял, откуда бывший спортсмен изъяснялся на отменном русском, никто не интересовался. Все в жизни бывает. Одевался скромно, но со вкусом. Посещал все мало-мальски значимые культурные мероприятия, выставки, вернисажи. Богемную жизнь не вёл, но был, что называется, человеком тусовки. Или, как сегодня принято себя позиционировать, «человеком в обойме». Мягким и обаятельным. И лишь немногие знали, что Ван не совсем тот, за кого себя выдает. Среди этих немногих были малоизвестные российские певцы и группы, молившиеся на своего импресарио. И продюсеры отечественных звезд и старлетов, снедаемые лютой завистью. Золотое руно шоу-бизнеса просто на глазах обратилось в шагреновую кожу. Надоевшие всем исполнители не собирали уже многотысячных стадионов, доходы с тиражей дисков ушли в минус. Тратить время на телевизор стало не модно, а новые звезды теперь вспыхивали в Сети. В свое время Ван Чжан содействовал гастролям в Поднебесной молодому певцу с жизнеутверждающим псевдонимом. Вокальный диапазон у того был умопомрачительный, но карьера в России «не покатила». Вернее, её «задавили». Из поездки в Китай парень вернулся, просто ошеломленный и приемом, и успехом. И суммой гонорара. С тех пор «на ящике» его нет, пару раз в год дает концерты в бывших кинотеатрах. Просто так, чтобы помнили.

Имея богатый опыт общения с разными деятелями, начиная от мелких рыбешек и заканчивая акулами шоу-бизнеса, промоутерами, галерейщиками, коллекционерами, Ван решил обнаружить свой интерес к мечу императора открыто. И сделал звонок нужному человеку. Он рассуждал, что прослышав о нем, как о покупателе, к нему рано или поздно, «приплывет» и продавец. Может быть один, а может и с кем-то еще. Такая у него сложилась репутация. Если Вану что-то стало интересно, это становится интересно многим. А то, что об этом сразу станет известно в ФСБ, он и не сомневался ни секунды. Ну и пусть, это может оказаться ему даже на руку.

Глава вторая. Новое задание полковника Соболевского

Япония. Апрель, 1939 год

...Заказ на изготовление нового меча мастеру Акихире Мияири привез теплым весенним днем, когда цветы на сливе и сакуре уже распустились, специальный человек из императорской канцелярии. Правда, приехал он в третьем часу пополудни на обычном такси, и это выдавало его ранг в иерархии. Одет молодой чиновник был неброско, в серый костюм традиционного европейского покроя, а самым приметным предметом у него был черный кожаный портфель с двумя красивыми замками. И хотя он был из канцелярии Хирохито, но все-таки лишь курьером.

Чиновник старался держаться как можно более многозначительно, словно письмо, которое он привез – самое важное, и его значение для хода событий в империи бесценно. На вид ему было не больше тридцати лет, невысокого роста, черные длинные волосы, но лицо светлое – наверное, северянин, или родители с севера. А так как на нем не было военной формы, да и приехал он в одиночку, то можно было понять, что письмо не содержит какой-либо особой тайны.

После того, как курьер представился крепышу – подмастерью, открывшему дверь, его проводили в жилую дом, рядом с которым была пристроена кузница. В доме его пригласили в комнату, где семья мастера обычно обедала, а еще там стоял стол, сидя за которым Акихира обычно читал старые книги и иногда делал свои записи в большом блокноте – тетради. Но назвать его «письменным столом» было нельзя – все-таки мастер был в большей степени кузнецом, чем ученым.

* * *

Большие часы в восьмигранном, скорее всего дубовом корпусе, висевшие над аркой в конце коридора, показывали, что до двадцати трех оставалось еще почти пять минут. Дверь в нужный кабинет была приоткрыта, и Рудольф Соболевский решил ее тронуть. Есть такие начальники, которые считают, что сотрудник пришел вовремя, если он появился минут за пять до указанного срока. Опоздание же на пять минут или просто отменяет встречу, или сулит выговор. Дежурный офицер в приемной говорил по телефону. Он узнал Соболевского и вопросительно кивнул на часы.

– Доложишь!? – попросил Соболевский.

– Хорошо, – кивнул офицер. – перезвоню, – сказал офицер кому-то, завершая разговор, положил трубку на аппарат и пошел к внутренней двери в кабинет, не слишком плотно прикрыв ее за собой.

– Подполковник Соболевский прибыл! Как всегда! – доложил он, произнеся вторую фразу чуть-чуть иронично. Майор был знакомый, и легкое нарушение субординации при таких обстоятельствах было вполне допустимо. – Проходите! – пригласил он Рудольфа.

– Заходи! И проходи, – подняв голову от раскрытой папки на столе, спокойным голосом сказал Анатолий Павлович Гнап. – Присаживайся.

Начальник Управления был в «цивильном» – пиджак висел на спинке рабочего кресла, воротник рубашки был расстегнут. Хотя все знали, что в шкафу у него висят не только свежая сорочка и пара галстуков, а еще и недавно сшитая новенькая генеральская форма с орденскими планками на кителе. Но сейчас она не требовалась.

Стол освещала настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром. У нее было широкое основание, которое занимало немало места, но хозяина это не смущало. Чернильный при-

бор, наоборот, был небольшим, а в металлическом стакане из какого-то оловянного сплава с барельефами кремлевской стены стояло несколько цветных и простых карандашей. Все они были очинены и грифели торчали, как пики своими остриями вверх.

Сначала Анатолий Павлович закрыл свою папку с каким-то делом, аккуратно завязал тесемки и, выдвинув верхний ящик стола, спрятал её.

Затем взял с угла обычную коричневую канцелярскую папку с приклеенной на обложке стандартной инструкцией по хранению документов, также аккуратно развязал тесемочки, раскрыл ее, достал несколько страниц, но не стал их читать.

– Ты как, отдохнул после Варшавы? – вопрос был скорее риторическим.

– Вполне. Так что готовлюсь к новым заданиям.

* * *

Рудольф был сброшен с парашютом 13 сентября 1944 года с заданием проникнуть в Варшаву и выяснить, кто на самом деле стоит за восстанием, и попытаться встретиться с генералом Бур-Коморовским. Бур, которому сообщили об офицере от Рокоссовского – такой была «легенда» Соболевского, – встретиться с ним не пожелал. Зато Рудольф узнал от проверенных людей, что Коморовский уже установил контакт с гитлеровцами и согласует свои действия с ними. Соваться к нему становилось чересчур опасно. Он встретился с несколькими офицерами, с кем-то из варшавян – участников восстания и составил картину событий в целом. Отправил шифровку в Центр, объясняя, почему возвращается. Что делать, иногда приходится отправлять в Центр и неприятную информацию, но и самому большому начальству лучше знать правду, чем заблуждаться. Из Варшавы Рудольф выбрался через пригороды, пару раз попал под обстрел, но, к счастью, не снайперский.

Задание он выполнил, информация оказалась очень важной и была доложена на самый «верх», так как имела не только военное, но и политическое значение. Сталин поручил подготовить письма Черчиллю и Рузвельту, довольно язвительные, но справедливые. А подполковника Соболевского представили к ордену и начали заполнять документы на представление к новому званию. Информация, привезенная из Варшавы, избавила Красную армию от бессмысленных потерь, которые были бы неизбежны, когда усталые от длительных боев бойцы должны кидаться в неподготовленное наступление.

Разумеется, у Гнапа и Соболевского были отношения начальника и подчиненного, генерал-майора и подполковника – представление на полковника пока проходило по инстанциям, – но еще и товарищеские, которые появляются после нескольких лет совместной работы, где приказами не так много решается, а успех достигается объединенными усилиями.

– Хорошо. Английский не забыл? – поинтересовался начальник.

– Надо подтянуть, давно не практиковался, – откровенно признался Рудольф.

– Подтянешь... Мы хотим направить тебя в Китай, вернее, в Манчжурию.

– А в Европе ничего нет? – таким вопросом Рудольф то ли попытался пошутить, то ли высказать свое желание о будущем задании. – С китайским языком у меня совсем плохо, за три месяца не осилю.

– Шутишь? Для сотрудника твоего уровня и класса – сейчас в Европе дела нет. Есть такое мнение, что надо тебя сориентировать на работу по манчжурскому императору Пу И. Ситуация так сложилась, что в Ялте Рузвельт упросил Сталина, чтобы мы объявили войну Японии. Мы, конечно, не хотели лезть в эту историю, все-таки японцы в сорок первом нас не трогали. Но, не нам с тобой обсуждать такие решения... Вот некоторые документы, читай, думай. Послезавтра поговорим.

Это означало, что решение согласовано и утверждено.

* * *

На минуту Гнап замолк, вспомнив ситуацию, которая случилась в Ливадии за несколько минут до начала разговора Сталина с Рузвельтом. Сталин вместе с сопровождающими шел к переговорной и вдруг из-за двери послышался звон разбившегося стекла. Первым вошел начальник охраны, уже положивший руку на кобуру пистолета. А увидел он девушку в белом передничке, которая спешно собирала с пола осколки разбившегося фужера. Сталин понял, что никакой опасности нет, и вошел следом. Девушка уже готова была расплакаться, но вдруг Иосиф Виссарионович как-то добро, мягко сказал: «Это хорошо, не расстраивайтесь. Вас как зовут?»

– Магдалина, товарищ Сталин. Магдалина Иси́на.

Сталин несколько удивился такому необычному для комсомолки имени и с удовольствием добавил.

– Это хорошо Магдалина, к свадьбе.

Потом он повернулся к сопровождавшим и добавил: «Вот так, товарищи, будет скоро мирная жизнь налаживаться, будем на свадьбах плясать и стаканы на счастье бить».

Магдалина и сотрудники охраны вышли, и Сталин обратился к Гнапу, еще под впечатлением своих же слов о счастливых приметах, «хорошая примета, к добру. Может, и нам удача будет сопутствовать».

На столе уже были разложены карты будущего театра военных действий.

В переговорах с Рузвельтом Сталин особенно подчеркивал, что Советский Союз вступит в войну с Японией при условии восстановления суверенитета над территориями, которые были утрачены после русско-японской войны 1905 года. Президент согласился – он ни в коем случае не хотел затягивания войны еще на год, Сталин также понимал, что миллионная квантунская армия может оказаться твердым орешком. Сразу после Ялты генералу Гнапу было дано задание срочно готовить опытных людей для выполнения ответственных заданий на дальнем востоке.

И вот теперь генерал Гнап вспомнил тот случай и подумал про себя: «может быть и тебе, Рудик, удача улыбнется».

* * *

Генерал, как и положено, вписал в специальный формуляр, что папка выдана подполковнику Соболевскому, а Рудольф расписался, что получил ее. Поручение все-таки было сделано мягко, без какого-то повелительного наклонения в разговоре. Другое дело, что отказаться от него нельзя.

– По нашим данным этот император Китая, а вернее мелкого Маньчжоу-Го, которое мы не признали, как самостоятельное государство, находится на Севере, – Анатолий Павлович немного косил на левый глаз, а потому точно сказать, куда именно он смотрит, было трудно. – Большой интерес к нему проявляют сейчас наши американские союзники. Но по нашим каналам друзья из Японии сообщили о местонахождении Пу И, и дали понять, что они предпочли бы, чтобы он попал к нам. Японцы не очень хотят усиления позиции США в Китае. Впрочем, и им самим этот император не больно нужен, они постараются от него избавиться – он слишком много знает и может это рассказать. Тут есть его личностные характеристики. Ничего особенного собой не представляет, но является символом, а для китайцев это значит многое. Неплохо образован, свободно владеет английским языком. Женат. Есть наложницы – по рангу положено.

При этом оба улыбнулись, а Рудольф еще и понимающе хмыкнул. Сам он почти десять лет колесил по еще довоенной Европе и неплохо знал, как обращаться с любовницами, и чем они отличаются от наложниц.

– Да, ближе к отправке получишь инструкции, с кем встречаться и все, что положено в таких случаях, – завершил разговор генерал, не в первый раз отправлявший своих людей на задания. – Завтра у тебя встреча с сотрудником дальневосточного отдела, он введет тебя в курс дела.

На том и расстались. Ненадолго.

* * *

Капитан Алексей Залевский оказался приятным, интеллигентным молодым человеком в хорошем костюме, а элегантно повязанный классическим узлом галстук подтверждал, что мужчина аккуратист.

Она сидели за большим столом, на котором были разложены карты, рядом лежали стопкой папки с материалами, которые могут понадобиться. Алексей решил сначала рассказать об общей ситуации и начал издали.

– В 1927 году в Токио проходила конференция по председательству тогдашнего премьер-министра Танаки. Япония уже тогда отделяла Манчжурию и Монголию от Китая. Это было продиктовано ее особыми интересами. В «меморандуме Танаки» была зафиксирована необходимость войны против СССР, а для военного броска в Сибирь и за Байкал как раз удобнее всего использовать Манчжурию и Монголию. Японцы никогда не оставляли планы вернуться в Россию и добраться до ресурсов СССР... А вот за время хозяйничанья в Китае они уверовали в свою особую роль в Азии.

– А как им удалось без сопротивления захватить Манчжурию?

– Это была специальная операция, очень грамотная и четкая. В Китае оказался не у дел император Пу И, которого еще называли Айсингоро. Его возвели на трон специально созданной страны, которую объявили монархией, а Пу И – последним императором из династии Цин. Так что японская армия находится в Манчжурии не как оккупационная, а так – по договору. Кстати, американцы не возражали против создания нового государства на границе с СССР. Они знали, что японцы не отказывались от своих планов агрессии.

– Если я правильно помню, мы не раз предлагали Японии заключить пакт о ненападении, но что-то все время мешало, – заметил Соболевский.

– Манчжоу го, как государство мы не признавали, но все-таки даже открыли манчжурские консульства. Нам было ясно, кто там осел, начиная с атамана Семенова.

* * *

В начале июля Соболевскому сообщили, что в Монголию переброшена 6-я танковая армия из Чехословакии. И не просто танковая, а еще и гвардейская. После европейской весны бойцам пришлось привыкать к жаре, оно бы и ничего, но всех мучили столбы горячей пыли, в которой пришлось двигаться к Большому Хингану. А тут еще на неделю обрушились ливни – пустыня превратилась в глиняную кашу, грязь непролазная. Но все-таки добрались до Тунляо, где Малиновский распорядился поставить штаб и политотдел.

Рудольф Иоганнович Соболевский – такое отчество канцеляристке оказалось проще вписать в документы, чем его настоящее Иоганнесович – прилетел в Читу 21 июля и встретил в штабе нескольких знакомых еще по варшавскому делу.

Перед десантированием в Польшу они с Иваном Рыбчонком несколько дней провели вместе под Минском. Прорабатывали легенды. Договаривались, как будут держать связь, если

возникнет надобность, как обмениваться информацией. Рудольф должен был работать с поляками, а Иван – белорус, но с чисто арийской внешностью – выйти на немцев. Кому-то из них могло повезти больше, кому-то меньше, а вообще – для обоих риск был смертельный. Их сбросили с парашютами ночью, километрах в десяти от Варшавы. И они порознь, пожав руки на прощание, направились в город.

Тогда все прошло хотя и с трудностями, но, главное, без потерь. Рудольф вернулся первым, а Иван задержался – это он узнал от «своих» эсэсовцев, что Бура немцы не трогают, на деле он действует под их контролем, а потому за себя спокоен. А что до варшавян, то судьба восстания Коморовскому безразлична, ему важно только своих прикрыть. Остальные были для него «расходным материалом». Рыбчонок уходил из Варшавы поначалу на запад, а оттуда его должны были вывезти в Москву. В итоге, прилетел через две недели после Соболевского, почти полтора месяца лечился в госпитале – подхватил пневмонию еще в Польше.

А теперь им предстояло лететь куда-то в Манчжурию вместе с десантниками, формально – в составе группы парламентариев. Правда, на этот раз у каждого было свое задание, к тому же Рыбчонок обмолвился, что в Чите он не задержится и сразу отправится дальше. Вот только китайского языка он не знал, но свободно говорил на немецком и французском. А вот, куда дальше направится, не сказал. Рудольф и не спрашивал – не принято. Сам Соболевский при случае должен был собрать сведения о деятельности «американо-китайской ассоциации» – в том, что это разведка, сомнений не было. Вот только насколько она серьезная и сколько людей в ее сети? Это представляло интерес.

* * *

Десантники прилетали отдельными группами. К самолету обычно подгоняли крытый грузовик. Короткий перекур, и по машинам. Куда прибыли, куда везут – никто не знал. Да и что спрашивать? Взгляд на солнце, на наручные часы с московским временем, и все понятно – они на востоке, очень дальнем. Под Читой десантники жили отдельно, и каждый день занимались на специальных площадках. У них были инструкторы, которые владели обширными знаниями, прежде всего, по рукопашному бою. На стрельбище «работали» из автоматов или из пистолетов. При этом иногда имитировали условия боя, постоянно двигались, стреляя по мишеням. Ножи – точнее сказать, увесистые штурмовые кинжалы – они метали без промаха на пятнадцать метров. Десантников в различных званиях насчитывалось 225 человек, приписаны они были к 6-й гвардейской танковой армии, и командовал ими майор. В общем, дело было поручено опытным, «матерым» бойцам, абсолютно точно знавшим свои действия, что помогало избегать излишней суеты или неразберихи, даже, когда требовалось по пятиминутной тревоге срочно выезжать на аэродром. Это «отрепетировали» дважды и больше людей «тревогами» не раздражали – и без того было ясно: все в форме, все готовы к любому заданию.

* * *

В особом отделе Рудольфу передали два полученных для него сообщения. Первое – приятное – о вступлении в силу приказа о присвоении ему звания полковника. Хотя после варшавской операции прошло немало времени, но бумаги, наконец, прошли все инстанции и теперь легли в «личное дело». Орден за операцию ему вручили еще в ноябре, а Иван получил свой в январе. А второе сообщение оказалось конкретным поручением.

Для начала Соболевский отправился представиться генерал-майору Замуле, который также получил шифровку из Москвы. Александр Дорофеевич – обычно мало улыбочивый, державшийся ровно, мужчина, как говорят, в теле, бритоголовый, из-за чего казалось, что на креп-

кой шее сидит почти идеальный шар, на этот раз не скрывал своего удовлетворения, что вместе с ним будет действовать такой опытный – полковников за просто так не присваивали – человек.

Приказ был лаконичен – ранним утром 19 августа команда десантников должна высадиться на аэродроме Мукдена в тылу японской армии. Оттуда боевым порядком или скрытно, смотря по обстоятельствам, выдвинуться в город и овладеть ключевыми опорными пунктами. Приказ, переданный Соболевскому, был «вторым этапом» операции – в составе тридцати военных контрразведчиков участвовать в пленении в аэропорту Мукдена императора Пу И и сразу же его допросить. Главный вопрос – знает ли он что-то о бактериологическом оружии? Потом все остальное.

* * *

Правда, командование решило провести уникальную по своей необычности операцию. С нескольких аэродромов поднялись несколько десантных групп, которые имели задачи высадиться сразу в нескольких городах далеко в тылу Квантунской армии. Так, в Дальний полет десант под командованием начальника разведки 9-го корпуса, полковника Бориса Лихачева, давний друг – полковник Иван Рыбчонок оказался в Харбине... И в каждой группе был свой полковник со «вторым» приказом, кому выпадет взять императора, тому и действовать по утвержденному плану.

– Товарищ генерал-майор, товарищ генерал-майор! – обратился по уставу, подбежавший к Замуле молодой лейтенант с листком бумаги, – Получен условный сигнал!

– Да что же ты так кричишь, на всю ивановскую?! – осадил его Александр Дорофеевич. И обратился к нескольким офицерам, стоявшим рядом с ним и разговаривавшим сразу обо всем, и ни о чем конкретно. – Все, отставить разговоры! По самолетам! Кому условный сигнал, а кому – безусловный! Запускай моторы!

* * *

В воздух поднялась настоящая армада. Сначала транспортные самолеты – дугласы и Ли-2 с десанниками. Потом «аэрокобры» и «лавочкины», истребители прикрытия. Вскоре после взлета к группе тяжело подвалили «митчеллы» – бомбардировщики. Была еще пятерка «ил-вторых» – штурмовиков, чтобы, если понадобится, нанести удар по наземным противовоздушным батареям. О том, чтобы остаться незамеченными, не было и речи. Переговоров по радио не вели. В воздухе никого не встретили. Ни по пути, ни у самого Мукдена.

Первыми на аэродром вышли истребители, зайдя на бреющем полете с солнечной стороны. Зенитные орудия, расставленные по классической схеме прикрытия аэродромов, не сделали ни одного выстрела. Хотя сверху было четко видно, что чехлы с пушек сняты, у орудий находились расчеты. Но японские солдаты и офицеры, сидя, кто на снаряжных ящиках, кто просто на земле, задрав головы, с интересом смотрели вверх, ясно различая красные звезды на крыльях и фюзеляжах. Несколько человек побежали было к укрытиям, но как-то не спеша.

Без приказа пушки не стреляют, а команды открыть огонь, видимо, никто не давал. То ли японские командиры рангом пониже не поняли, что случилось, а, скорее всего, не захотели напрасно погибать. К тому же кто-то из более высокого командования уже знал о капитуляции, а такая информация в любой армии разлетается быстрее звука. Правда, представителей советского командования здесь не ждали.

Самолеты оливкового цвета с красными звездами на крыльях, заметными, кажется, с любого расстояния, заходили на посадку и летчики, кто в душе, а кто и въявь, перекрестились – обошлось все неожиданно гладко. Десантники, которым не пришлось прыгать, тоже не скрывали своего удовлетворения. Одни за одним шасси транспортников касались земли, при еще

работающих двигателях десантники, словно на учениях – четко, без суеты выпрыгивали из самолетов и бегом рассеивались по летному полю. Каждый точно знал, что ему нужно делать и куда бежать. Японская охрана в считанные минуты была обезоружена. Без всякого сопротивления. Десантники в душе были даже благодарны японским командирам – война окончена, чего зря людей под пули толкать?

Спрыгнув из открытого люка на землю, Замула обернулся и увидел, что лейтенант Якунков, как они и определили еще до вылета, находится рядом, в метре сзади.

– Лейтенант, действуйте по плану! – скомандовал Александр Дорофеевич. – Берите ваших людей, кого определили, и на машины. Вон стоят японские, они, кажется, возражать не будут. Быстро на телеграф, на вокзал, на радиостанцию, в банк и главное – мост через эту самую Ляо-хе. Все под охрану, под свой контроль.

«Точно как в кино «Ленин в Октябре» – подумал Соболевский, но, естественно ничего не сказал – приказ-то был абсолютно правильный. Главное, не дать противнику опомниться, а то еще начнут японцы самурайский дух показывать.

– Они же японские! – растерянно выдавил Якунков.

– Ну, и что, что японские?! – возмутился генерал-майор. – У них что, газ слева, сцепление справа?!

– У нормальных – наоборот!

– У каких нормальных? Вы-па-алнять!! – вдруг сорвался на крик генерал-майор.

Лейтенант Якунков кинулся ко второму «дугласу», к «своим» бойцам.

* * *

Несколько десантников побежали к дальнему краю поля, где стоял трехмоторный «юнкерс» с хиномарой на фюзеляже. Двигатели работали на холостых оборотах. Казалось, что пропеллеры лениво прокручиваются кем-то изнутри гондол, чуть ли не вручную. Наземная команда техников дружно подняла руки. Люк был открыт, лесенка трапа свисала вниз – кого-то ждали на борту. Десанникам было ясно – раз аэродром взят, никто не должен с него улететь, а то, зачем вся эта операция проводится? Двое тут же стали у люка, отодвинув плечами растерянных японцев. Конечно, если бы этот самолет и взлетел, то его тут же перехватили истребители, также приземлившиеся на аэродроме и стоявшие неподалеку. Из своих машин летчики не выходили, дожидаясь новой команды. У двух «лавочкиных» моторы работали на малых оборотах – стоит дать газ, и пойдут на взлет.

К «Юнкерсу» спешил какой-то офицер в японской форме, на кителе у него поблескивал золотом шнур аксельбанта. Вместе с десанниками подошла к самолету и капитан Светлана Снегирева, которая как раз и прилетела, чтобы переводить с японского языка, если придется. Через минуту сюда подошел и в черном кожаном реглане Соболевский, опередивший генерала Замулу.

– Это генерал Есиока, он сопровождает императора Пу И и просит разрешения отправить самолет. Говорит, что Манчжоу го не воюет с СССР, является нейтральным государством, – разъяснила Снегирева.

– Куда отправить? А что там, в самолете? – спросил Замула и вопрошающе посмотрел на Соболевского. Тот в ответ отрицательно покачал головой.

Снегирева перевела ответ Есиоки, который всем видом показывал свою твердость – самолет должен лететь в Корею, там личные вещи императора и его семьи.

– Так, никакие самолеты никуда не отправлять и никакие самолеты не принимать, – распорядился Замула и добавил – пошли в здание аэропорта, там разберемся.

– Александр Дорофеевич, кажется, к нам попал действительно император, – поделился своим мнением Соболевский. – Точных сведений, где он, все-таки не было, предполагали даже, что он в Харбине, а оказался здесь.

И Замула, придерживая фуражку с кокардой, вместе с адъютантом, Соболевским и контрразведчиками из «Смерша», которые были с ним на одном борту, быстро пошел к зданию аэродрома, больше похожему на какой-то павильон. Самолет остановился метрах в ста от предполагаемого входа, так что им требовалось не больше трех минут, чтобы подойти к нему. Навстречу им вышел какой-то невысокий седовласый пожилой мужчина в японской военной форме и доложил на русском языке, что он русский эмигрант, возглавляет палату церемоний при дворе маньчжурского императора, а в павильоне находится император Пу И со своей свитой, которые только что прилетели в Мукден. Всего 13 человек.

– Ну, Рудольф Иоганнович, это уже по твоей части, мое дело предложить им сдаться, – заметил Замула, когда они входили в здание. – Полагаю, однако, что без стрельбы обойдемся. Не императорское это дело – пистолетиками баловаться.

* * *

Сдача прошла без происшествий. За исключением небольшого недоразумения. Два наших офицера внимательно и цепко осмотрели небольшую группу встревоженных гражданских, военных и женщин и, вежливо раздвигая их по сторонам, отделили рослого, облаченного в военный мундир представительного мужчину. Ничего не говоря, тот только переминался с ноги на ногу, прижимая к бедру саблю в ножнах, и обводил вошедших большими, навывкате, глазами. Офицеры из СМЕРША вопросительно глянули на полковника. Соболевский покачал отрицательно головой и глазами показал офицерам направо. Ничуть не стусевавшись, те оставили «императора» в покое и встали по сторонам небольшого диванчика с подушками, на котором сидел худой человек в гражданском костюме, в белой рубашке со старомодным отложным воротничком. Внешне он оставался спокоен, только расширились зрачки, и без того увеличенные линзами больших черных очков. Это и был Верховный правитель, император Маньчжоу-Го, генералиссимус и Главнокомандующий Маньчжурской императорской армией Айсиньгёро Пу И.

От опытных советских десантников уйти было практически невозможно. Японцы и вправду, хотели вывезти императора к себе. В свите Пу И сопровождали два японских генерала – Есиоко и Хасимото. И тот самый «юнкерс», который заблокировали десантники, как раз и предназначался для них и императора. Но вдруг император, будто почувствовав что-то нехорошее, заупрямился. Стал настаивать, чтобы на борт взяли и его верных людей, а тут и русские прилетели, словом, время ушло.

* * *

К Александру Дорофеевичу подошел капитан Мочалин из СМЕРША и сказал, что нашел большой кабинет, где можно спокойно разместиться и поговорить. И диваны есть, и кресла, всем места хватит.

– Пройдемте в кабинет, – предложил Замула императорской группе. – Мы пока вынуждены задержать вас в аэропорту. Во избежание неприятностей, пожалуйста, сдайте оружие.

Лейтенант Черемухин перевел его слова и на столе начала расти кучка пистолетов разных марок и размеров.

Император последним из присутствующих неторопливо встал с дивана, достал из-за подушки совсем маленький, инкрустированный резными перламутровыми пластинами пистолет и, сделав несколько шагов, бережно положил его на стол в общую кучу. Он заметил,

как напружинился молодой русский десантник, внимательно следивший за тем, как на стол ложится оружие и не поставил ли кто пистолет в боевое положение. Если бы кто-то попытался положить палец на курок, или попытался хотя бы снять его с предохранителя, то бойцы сработали бы молниеносно. Так, что даже попытка самоубийства была бы пресечена. Для себя Пу И решил ориентироваться на русского офицера в кожаном реглане. Хотя под ним не были видны погоны, но вид был весьма представительный, к тому же он сразу снял фуражку, открыв светлые с сильной проседью волосы.

* * *

Замула сел в подвинутое ему кресло, снял фуражку, вытер платком лоб и шарообразную бритую голову, хотя бисеринок пота и не было видно, а после этого, следуя четким инструкциям из штаба маршала Малиновского, сообщил Пу И, что императору будет сохранена жизнь и никаких репрессий по отношению к нему предприниматься не будет. Молоденький лейтенант быстро перевел эти слова императору, который, хотя и был напуган, но вида не подавал, только пуговицу на пиджаке крутил, а при упоминании, что жить он, гарантировано будет, несколько успокоился. Русский говорил хорошо, у него был мандарин – пекинский китайский, но преподавал ему язык кто-то из Кантона – это слышалось. Но затем в разговор вступил Соболевский, и они перешли на английский язык. Переводчик, который владел и английским, нагнулся к генерал-майору и негромко сообщал ему смысл разговора.

Через полчаса разговора с императором Соболевский попросил Замулу срочно вызвать несколько офицеров с картами. Император сообщил важную информацию, что неподалеку от Харбина находится особая «закрытая зона», скорее всего арсенал, предположительно, бактериологического оружия. Когда появились офицеры, Замула предложил Пу И показать на карте «закрытую зону». Император долго всматривался в разложенные листы, морщил лоб. Наконец, приняв решение, ткнул пальцем куда-то чуть севернее Харбина. Генерал-майор, отметив его нерешительность, переспросил утвердительно.

– Вы точно уверены?

Соболевский перевел вопрос. Император выпрямился, вздернул подбородок и, почему-то, глядя в глаза Соболевскому, с внезапным нажимом ответил: Мы – верно уверены!

Замула на это только скептически хмыкнул, свернул карты и скомандовал офицерам: За мной!

Наступала вторая фаза специальной операции, ответственность за которую была возложена непосредственно на генерал-майора. В случае даже намек на расположение «особой зоны» отправить на место спецподразделение и взять эту зону под строжайший контроль. Так, чтобы мышь не пробежала и птица не пролетела.

Соболевский достал из планшета лист бумаги и быстро написал донесение, которое адресовал сразу нескольким командирам: маршалу Родиону Малиновскому, маршалу Александру Василевскому, начальнику штаба шестой армии генерал – лейтенанту Альберту Штромбергу, в НКВД генералу Анатолию Гнапу. Он знал, что кто-то из них сразу доложит в Кремль об императоре Пу И, и решение, что делать дальше поступит в течение часов двух-трех. Ждать его в компании Пу И со свитой он не мог, так что он направился на другой конец аэродрома, куда собирали японцев.

* * *

После этого Пу И почувствовал себя уже спокойней. Он быстро просчитал, что советский десант здесь оказался не случайно. Кто им сообщил, что он здесь – японцы или американцы, теперь значения не имело. У русских, наверняка имелась своя разведка, которая работала здесь

не один десяток лет. Скорее всего, их агенты были и среди японцев. А, может быть, и среди китайцев. Впрочем, среди эмигрантов всегда находится кто-то, работающий на свою страну. Хотя о русских шпионах он ничего не слышал.

В кабинет принесли советский армейский сухой паек и кипяток.

Император опасался и японцев, и китайцев, которые шли с юга. Любой человек опасается за свою жизнь, просчитывает разные варианты. Конечно, лучше бы ему попасть к американцам, но те до Мукдена добраться не могли. Русские их бы и не пустили, они твердо соблюдали договоренности. Как они любили говорить – чужого нам не надо, но и своего не отдадим. Чан Кайши тоже был ему весьма опасен – он церемониться не будет. Вот и получалось, что оказаться у русских в тот момент в его положении было лучше всего – против Советского Союза он не воевал, сам был в положении руководителя оккупированной страны. А что вынужден был сотрудничать с японцами, так это от безысходности. Да и сотрудничал ведь он как-то пассивно...

Император смотрел отрешенно куда-то в сторону, чтобы ни с кем не встретиться взглядом. Временами он закрывал глаза. События последних дней вертелись странной цепью. Сначала бомбежка Синьцзина и японские генералы настояли ехать поездом в Тунхуа, слуги раскатывали бутылкой из-под пива лапшу, чтобы они могли поесть, затем прибыли в Дализыгоу, где состоялась странная церемония отречения. Потом через японских генералов ему сообщили, что император Японии ждет его в Токио, правда, безопасности не гарантирует. Потом им дали маленькие самолеты и хотели увезти его одного в Японию, Правильно ли он сделал, что в Мукдене потребовал, чтобы с ним летели его верные люди и брат с племянником? Как раз, пока он спорил с Есиокой, прилетели русские...

Через три часа им объявили, что они улетаю, и вновь появившийся откуда-то офицер в реглане сообщил, что все улажено и пожелал императору оставаться здоровым – так для всех перевели слова этого человека на китайский язык. Потом по-английски Соболевский пожелал ему удачи. Их проводили в большой транспортный самолет, на котором были красные звезды – он прилетел специально за ними. Император ни о чем не спорил с русскими – переводчиков поблизости не было, да и спорить было не о чем – против младшего брата и нескольких человек из свиты они не возражали в отличие от японцев, пообещали доставить остальной багаж позже, японских генералов арестовали. Пу И решил покориться судьбе, может быть русские и сдержат свои обещания и они останутся живы.

После того, как Пу И с его группой вошли в самолет, следом поднялся молодой советский офицер с автоматом на груди и солдат с карабином. Император с интересом смотрел на них. Поймав его взгляд, лейтенант сказал по-русски «лечу с вами», но понял, что его слова остались для них каким-то неведомым набором звуков. Тогда лейтенант забавно изобразил расставленными руками самолетные крылья, «помахал» ими, обвел всех присутствующих и сел на лавку. Солдат сел напротив. Наконец самолет пошел на разбег и взлетел.

Рядом с императором сел генерал Хасимото и Пу И решил позлорадствовать насчет Богини солнца – почему она допустила такую несправедливость? А священные предметы, которые ему подарил Хирохито – они в безопасности? Генерал в ответ только молчал. Неожиданно к дяде наклонился племянник и указал на коробку под лавкой – вон они в том ящике, и богиня там же. Они сдержанно улыбнулись.

* * *

19-го августа транспортник с необычными пассажирами приземлился в Тунляо, на аэродроме их встречал рослый, молодой – всего тридцати пяти лет – генерал-майор Кирилл Филяшкин. Звание он получил только в мае, а потому погоны на гимнастерке немного торчали, еще не обмякли. Рядом с ним майор Никита Кострюков выглядел едва не «дедом» – он

был старше генерала всего на десять лет, но владел и китайским, и японским языками. Генерал увидел стоявших в стороне младшего лейтенанта, сержанта и рядового, посмотрел на них с немым вопросом – а вы откуда?

– Младший лейтенант Александр Желваков, – доложилась молоденький офицер и добавил, представляя свою «команду» – сержант Бойко и рядовой Косолобов.

– Охраняй его хорошенько, он хоть и негодяй, этот император Манчжоу го, но чтобы ничего с ним здесь не случилось, – дал поручение Филяшкин. – Я организую его жилье, а ты пока здесь что-нибудь придумай. В общем, действуй.

Вещи, выгруженные из самолета, напоминали таборную кучу.

Желваков огляделся по сторонам и... побежал к «летунам». Через двадцать минут «табор» двинулся к палаткам, стоявшим ближе к краю летного поля. Все, даже мальчишка – племянник тащили чемоданы, тюки, только Пу И ни к чему не прикасался. Скоро Косолобов принес ведро воды и алюминиевую кружку, из которой все пили по очереди.

Глава третья. Санаторий Его Императорского Величества

Япония. Апрель, 1939 год.

...В комнате было светло и прохладно. Курьера посадили за стол и предложили чашку чая, но, скорее, из вежливости, никакой церемонии не предвиделось. Да и сам мастер появился очень скоро. Скорее всего, он отдыхал в соседней комнате, наверное, прилег вздремнуть – на лице были капли воды, которую он плеснул на себя, чтобы быстрее взбодриться.

Пока женщины ставили на черный лаковый поднос чаши и чайник, курьер достал из портфеля пакет с красными сургучными печатями. Акихира сразу понял, что в пакете – заказ на новую работу. А что еще могло быть в таком письме? К тому же, он – лишь кузнец, хотя и мастер.

* * *

Утром в штабе Соболевскому вручили пакет с новым приказом. Правда, произошла путаница – ему предписывалось вместе с тридцатью военными контрразведчиками прибыть в Мукден, а там выйти на связь с агентом Лео. Полковник предполагал, что ему нужно будет срочно перемещаться в Харбин, где также была резидентура и действовала весьма активно. Но самое главное для него на сегодня – встретиться с Лео. Инструкция была четкой – где и во сколько надо быть, пароль и отзыв.

* * *

– Рудольф Андреевич – это было то ли обращение, то ли вопрос, но прозвучало именно его имя, а потому полковник обернулся. У него была привычка поворачиваться практически всем корпусом к вопрошающему – так безопаснее. Перед ним стоял плотный, чуть выше среднего роста темно-русый мужчина в прекрасном светлом костюме, скорее всего английского пошива.

– Позвольте представиться – Игорь Николаевич Сошников. Мне говорили, что вас интересует история китайского императорского дома.

Ключевыми словами пароля были слова «История китайского императорского дома», ответить следовало словами «Кажется, она заканчивается!». Соболевский их и произнес. Наконец-то он увидел, как выглядит Лео. После этого они обменялись рукопожатиями. Со стороны ничего неожиданного в этой встрече не было – в Мукдене и в Харбине в то время хватало русских, которых судьба занесла сюда еще в смутное время.

Сошников указал на стоявшую в стороне черную японскую машину, они быстро прошли к ней. Игорь Николаевич сел за руль и автомобиль, недовольно фыркнув пару раз, тронулся с места.

– Каналья Пак, опять начал воду доливать, – весело констатировал Сошников. – И вообще, теперь даже за хорошие деньги хорошего газа не отыскать!

– Спасибо вам за точную информацию, операция прошла, как пример для учебников, – Рудольф «Андреевич» не лукавил, говорил он абсолютно искренне, спокойно, чуть улыбаясь, что всегда является признаком некоторой расслабленности. – У вас отличная информация, но, сами понимаете, император – лишь часть дела, конечно, очень важная. Сам он, судя по всему, человек мягкий, безвредный, просто судьба так распорядилась – стал императором. Нас

больше интересуют японцы, их медицинские изыскания и опыты. Как бы они не зарыли где-нибудь здесь свой ящик Пандоры.

– У нас не было такого четкого задания, но кое-что мы собрали и по этой теме, – казалось, заставить Сошникова врасплах каким-то вопросом, невозможно. – Я вам выпишу координаты этих мест, но простых бойцов туда посылать, можно сказать, смертельно опасно – эксперименты велись с самыми тяжелыми заболеваниями, сибирская язва в этом ряду – самая «мягкая». Туда надо непременно отправлять специалистов – медиков. Надо будет скоординировать действия и наши люди помогут. Если возьмем японцев, то потребуются переводчики, японские доктора китайского языка не знают, считали, что он им ни к чему, имели несколько своих переводчиков, которых им хватало. С подопытными они мало общались. Наверное, все-таки боялись заразиться.

Машина остановилась возле небольшого кафе, и Сошников пошел впереди, показывая путь сбоку от двухэтажного здания. Обогнув строение, они поднялись по ступенькам и вошли на небольшую веранду. Тут же появился служка, кланяясь и радостно улыбаясь сморщенным личиком. Быстро-быстро затараторил, предлагая господам выбирать любой столик. А поскольку столики оказались свободными все, господа не договариваясь, направились к тому, откуда хорошо просматривались и вход на веранду, и прилегающий к ней дворик.

– У вас такая выправка, будто к параду готовитесь, – сделал комплимент собеседнику Соболевский.

– Полагаю, вы обо мне достаточно знаете, – улыбнулся Игорь Николаевич. – Все-таки сначала училище, потом служба в управлении генерал-квартирмейстера.

– Знаете, я ведь, когда школьником был и читал книги по истории Отечественной войны еще восемьсот двенадцатого года, считал, что квартирмейстер в армии был тем, кто определял, кому из офицеров и солдат, где останавливаться на постой, – признался Соболевский. – Нынешние квартирмейстеры, выходит, высшие офицеры генерального штаба, выпускники академии?

– Я любил возиться с картами, – согласно кивнул головой бывший квартирмейстер царской армии. – Так вы в Харбин направляетесь? Там русские собираются чаще всего в кафе-шантане «Бомонд» или в «Яре». Большое смешение народов происходит.

– Хорошие места? – ушел от вопроса Соболевский.

– Сейчас уже не те, что раньше, но мы там кое-что узнавали. Сами понимаете, горячительные напитки многим языки развязывали во все времена.

– Вы на будущее что-то планируете? В ближайшее время нужно будет в основном отслеживать текущую ситуацию, – поделился своими мыслями Рудольф.

– Предложу, чтобы мне санкционировали переезд в Шанхай, у меня там деловые контакты, я все-таки оказался неплохим предпринимателем. Говорят, в роду у нас и купцы были.

Сошников сделал заказ и почти молниеносно на их столе появились тарелки с мелкими кусочками свинины в красноватом соусе с какой-то «ошпаренной» зеленью. Из небольшого фарфорового сосуда девушка налила в их крошечные стопочки сливового вина.

– Рудольф Андреевич, я тут подготовил одну небольшую записку, надо бы срочно принять действия по ней, – произнес Игорь Николаевич, когда они немного перекусили.

– Насколько срочно?

– Да сразу же! Я указал, где находится известный вам атаман Семенов, этого преступника нельзя упускать, на нем столько крови!

– Хорошо. Тогда давайте сразу подвезите меня к нашему штабу. Придется потревожить кое-кого, но атаман Семенов слишком хорошо нам известен, тут вы правы. Упускать его никак нельзя.

Слова «срочно» и «сразу», разумеется, не предполагали, что собеседники тут же встанут из-за стола. Они допили чай, причем на вкус Соболевского, лапсанг был каким-то «странноватым» – отдавал дымом торфяника. Но, что поделать, это и есть настоящая китайская классика.

* * *

При входе в штаб Соболевский предъявил удостоверение, которое долго и внимательно изучал, только что на просвет не смотрел, дежурный старшина. Наконец, убедившись, что все в порядке, он еще раз с ног до головы оглядел Соболевского, одетого в гражданский костюм и, возвращая документ, козырнул. – Все в порядок, товарищ полковник! Проходите! – Соболевский прошел внутрь, нашел нужный кабинет, представился и передал офицеру записку Сошникова.

Только начав читать, офицер озабоченно посмотрел на Соболевского.

– Источник?

– Проверенный. Заслуживает доверия. Прошу зашифровать и срочно довести до сведения, – до сведения кого конкретно следует «довести» Соболевский не стал уточнять. По роду службы офицеру об этом было известно.

Суть сводилась к тому, что в сорока километрах от поселка Какасаши, что рядом с Дальним, на берегу залива находится поместье, в котором проживает вместе с семьей атаман Семенов. Охрана у него небольшая, но, учитывая тесные связи с японцами, не исключено, что, понимая свою возможную судьбу, Семенов вместе со своими ближайшими помощниками попытается скрыться.

Сообщение было быстро зашифровано и с отметкой «Срочно!» отправлено по нескольким адресам, прежде всего начальнику разведки шестой армии.

* * *

«Наверное, будет лучше, если Сошников действительно переберется в Шанхай, – думал про себя Соболевский, когда возвращался в гостиницу, где его разместили вместе с еще недавно прилетевшими двумя десятками офицеров и бойцов охраны. – Здесь ему оставаться может быть опасно, могут и не разобраться, кто он и что, сойдет за белогвардейца и, – короткий разговор. Пересидит в Шанхае, а оттуда, как сам захочет – хоть обратно, хоть в Австралию, а может и куда в Бразилию, или Аргентину. В общем, на глобусе много мест. С его связями он везде устроится. И нас такой расклад тоже устроит...».

* * *

Наутро Соболевский снова наведлся в штаб, составил подробный отчет о встрече с Сошниковым, передал его в оперативную часть, справился, нет ли для него «почты». Дежурный, обрадованный тем, что не нужно разыскивать «московского полковника», вручил телеграмму, которая поступила час назад и только что была расшифрована. Соболевскому предписывалось ближайшим самолетом вылетать в Читу вместе с капитаном Никитиным. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что там Пу И, а он, вероятно, захотел, чтобы рядом находились офицеры, обещавшие ему безопасность. Тем более, что вместе с императором отправили, правда, другим самолетом и японских генералов.

Сделав в штабе необходимые отметки в командировочном предписании, Соболевский заехал в гостиницу, быстро собрал вещи и, сбежав по ступенькам вниз, уселся в поджидавший его «виллис».

– Куда теперь, товарищ полковник? – спросил Соболевского водитель, веснушчатый рядовой Леша.

– На аэродром, Алексей! И с ветерком давай! – бодро скомандовал Соболевский.

– Есть, с ветерком! С ветерком, это – хорошо, – вдавил педаль газа рядовой Леша. – С ветерком, это нам полезно!

– Э, товарищ рядовой, – всмотревшись пристально в лицо Алексея, – укоризненно заметил Соболевский. – Что праздновал, докладывай!

– Что, так видно? – огорчился водитель. – Да это все вчерашняя «змеёвка»! Мало что они её из рису гонят, так еще и гада туда живого засовывают.

– Ну, на счет живого гада, это ты не прав, – рассмеялся полковник. – Только меру знать надо! А вообще такая настойка очень даже полезная вещь. Потенцию повышает.

– Чего потенцию? – не понял Леша.

– Всего, рядовой, потенцию. И активность половую твою.

– Потенцию? Так она у меня и без змей за два года такая, драконовская! – грустно возразил Леша.

– Ничего, скоро демобилизуешься и домой вернешься во всеоружии, так сказать, – обнадежил его Соболевский.

* * *

Вместе с ними должны были лететь в Читу несколько человек, которые принимали участие в операции. Один из них был с чемоданом и к тому же в штатском.

– Все, закончилась моя командировка, теперь дома буду, – не без удовольствия и гордости сообщил он Соболевскому. – Завершив долгий путь, так хорошо оказаться дома.

– Владеете китайским? – поинтересовался Рудольф.

– Японским, а китайским – так себе.

«С японским долго тебе дома сидеть не придется, работы будет много», – прикинул Соболевский, но вслух ничего не сказал.

* * *

Через несколько дней, прожитых в Молоковке, впервые за последние годы Пу И не опасался за свою жизнь. Он понял, что сделал правильный выбор, когда показал взглядом советскому офицеру на аэродроме в Мукдене, что не хочет, чтобы его передали японцам.

Военный санаторий «Молоковка» находился километрах в двадцати от Читы. Сюда с военного аэродрома машинами доставили Пу И вместе со свитой. Место оказалось уединенным, можно сказать, глухим. Встречавший его офицер через переводчика торжественно объявил императору, что он арестован. «Ну, вот – еще раз!» – грустно подумал Пу И, кивнув в знак согласия. На самом деле офицер сообщил Пу И, что отныне тот под домашним арестом. Затем, уже не так торжественно, последовало странное предложение оправиться и выйти к обеду.

На столе было много блюд с незнакомой едой. Водка. Понять русских он еще не мог – прямо-таки какой-то торжественный банкет в честь приезда арестанта. В какой-то момент Пу даже решил, что здесь и будет конец его жизненного пути. Вежливо и осторожно отпив маленький глоток предложенной водки, сдержался, чтобы с шумом не выдохнуть. Но рюмку отставил подальше, давая понять, что больше не будет. Приятное тепло расслабило. И теперь он начинал думать, что все не так уже плохо складывается. И сам жив, и свита, и жен обещали вскоре привезти.

Император решил опередить события и 3 сентября, удивленный, что его никто не допрашивает уже который день, попросил, чтобы советские офицеры выслушали его информацию.

Собралось несколько человек, у всех офицерские погоны. Кто-то владел японским и русский майор удивился, что император не знает этого языка. Так что с китайского переводил молодой русский лейтенант, которому в помощь были выделены еще четверо – трое славянской внешности, а четвертый – китаец.

Переводчикам пришлось потрудиться – они не только переводили с китайского, но и записывали рассказ о событиях после 9 августа.

– То, что СССР вступил в войну с Японией, оказалось для нас огромной неожиданностью, – рассказывал Пу И.

Пу находился в Чанчуне в резиденции, когда вдруг появились самолеты – сначала они подумали, что это американцы, но разглядели красные звезды. На второй день, когда самолеты прилетели вновь, пришлось прятаться в убежище – русские ведь не могли сверху различить, где японские войска, а где император. После этого Пу И ложился спать одетым, в кармане постоянно был пистолет.

Генерал Ямада, который командовал Квантунской армией, отдал приказ перевезти Пу И и остальных китайцев в Тунхуа, чтобы они не оказались в плену у советской армии. 13 августа прибыли в Тунхуа, а 15-го император Хирохито заявил о капитуляции Японии. В этот же день Пу И отрекся от императорского престола.

В Тунхуа японцы предложили ему в одиночку вылететь в Японию, но тут уже бывший император заупрямился – только вместе с восьмью верными до гроба людьми он согласился сесть в самолет. Под винтовками их привели к самолетам, где была японская охрана, и машины взяли курс на Мукден. В Мукдене их «юнкерс» совершил посадку для дозаправки. Императора со свитой разместили в здании аэропорта. А потом внезапно прилетели русские самолеты. Японцы настаивали на отправке Пу И в Японию, но советский офицер, по-видимому, главный, не спешил соглашаться, надо, мол, знать мнение самого бывшего императора. Тогда Пу И взглядом и показал ему, что предпочитает не лететь в Японию. Офицер – он был в звании полковника с новенькими погонами, жестко заявил, что император не летит в Японию. А тут появился и тот самый круглоголовый, подтянутый генерал-майор, выслушал короткий доклад полковника, кивнул императору и четко распорядился сажать Пу И со всей свитой в большой транспортник с красными звездами. Обсуждать что-либо с японцами он не хотел. Потом император рассказал советским офицерам все, что ему было известно о месте разработки химического оружия. И на принесенной карте он даже показал предполагаемое место.

Большую часть из того, что рассказал бывший император, офицеры уже знали, но рассказ слушали внимательно, кивали, соглашаясь. Обращали внимание на разные мелочи, уточняли детали. Они были профессионалами высокого класса, а для таких людей все важно.

Глава четвертая. Ландшафт после битвы, или сановный садовник

Япония. Апрель, 1939 год

...Почему выбрали его, мастер не знал, но было приятно – все-таки заказ от императора кому-либо не дадут.

В последнее время он сделал несколько мечей, и они сразу же были куплены знатоками. А слухи везде распространяются быстро, так что и до императорского дома дошли. Кроме меча из Токио ему вряд ли могли что-то иное заказать. Меч – это вершина для кузнеца, а, поднявшись на вершину, настоящий мастер не будет опускаться до какого-нибудь незначительного дела, скажем, кухонных ножей или вилок для европейцев. Да и заказчик должен уважать того, к кому он обращается.

«Интересно, для кого меч?» – подумал мастер Мияири, принимая пакет с красивыми печатями.

* * *

– Генри, – обратился Рудольф к Пу И, вспомнив, что теперь уже бывший император, сам предложил называть его английским именем, когда они будут встречаться, – Нам надо немного поговорить.

Соболевский показал рукой на скамейку у дорожки. Пу И в свою очередь показал своим спутникам, что он будет разговаривать с советским полковником вдвоем.

– Через несколько дней мы перевезем вас в Хабаровск, там будут нормальные условия, беспокоиться будет не о чем. Я думаю, что будет хорошо, если вам дадут книги, чтобы вы лучше понимали Советский Союз.

– Это соответствует нашим желаниям. Сейчас я думаю о том письме, которое напишу господину Сталину. Я хочу, чтобы он знал, каким правильным было решение привезти нас сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.